

Академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

(Мифы и реальность)

Современная эпоха характеризуется бурным ростом интереса к историческому прошлому нашей страны, особенно в XX в., в новейший период ее истории.

Широкий интерес к познанию прошлого, стремление как можно больше и быстрее узнать о его “белых пятнах” и “всю правду” истории оказывают воздействие на историко-познавательный процесс. Этот процесс характеризуется в настоящее время, во-первых, особым смыслом в тех событиях, в которых заключены истоки современных недостатков и искажений в развитии советского общества. Во-вторых, все большее внимание уделяется выявлению в прошлом альтернативных возможностей развития, реализация которых привела бы к иному ходу и результату этого развития. Наконец, в-третьих, в условиях, когда выдвигаются новые цели, современники, как писал В. О. Ключевский, “ищут и исторического оправдания этим интересам и практических указаний на средства к достижению этой цели”¹.

В указанной связи одним из явлений в истории нашей страны, которое вызвало в последнее время много споров, оказалась столыпинская аграрная реформа. Советские историки уделяют значительное внимание ее изучению². История этого изучения заслуживает специального историографического анализа. Поэтому отметим здесь лишь некоторые моменты, обусловившие выбор круга вопросов, рассматриваемых в настоящей статье.

При освещении советскими историками столыпинской аграрной реформы акцентировалось внимание на раскрытии ее консервативности и ограниченности, антикрестьянской направленности и помещичьей самодержавной сущности. Отмечалось, что реформа ускорила развитие капитализма в помещичьем и крестьянском хозяйстве, но не привела к завершению буржуазных аграрных преобразований. Соответствующие выводы основываются на анализе значительного конкретно-исторического материала. Однако целый ряд аспектов в истории реформы не получил надлежащего и обоснованного освещения.

Во-первых, чаще всего столыпинская реформа рассматривается как таковая, без учета того, что в России буржуазное аграрное развитие шло двумя путями — буржуазно-помещичьим и буржуазно-крестьянским, и реформа, направленная на утверждение первого из этих путей, была вслед за революцией 1905—1907 гг. кульминационным моментом в борьбе за утверждение того или иного из них.

Во-вторых, при показе ускоряющего воздействия реформы на развитие сельскохозяйственного производства и социальные процессы в деревне, не раскрывается тот конкретный вклад, который вносила в это развитие реформа, ибо прогресс в аграрной сфере имел место и помимо нее.

В-третьих, нельзя признать достаточно полно раскрытыми все причины провала реформы, в частности те объективные факторы в истории аграрного

Ковальченко Иван Дмитриевич, академик-секретарь Отделения истории АН СССР

развития, которые вообще исключали возможность торжества “стольпинского варианта”, а те основные причины, которые анализируются, сводятся к тому, что реформаторам мешали и им не хватило мирного времени!

В итоге остаются нераскрытыми те глубинные противоречия в аграрном развитии, которые обуславливали необходимость Октябрьской социалистической революции.

Представляется, что в силу указанных пробелов в научном изучении реформы и в результате поверхностного подхода к ее освещению неспециалистами в массовой печати, и получила в настоящее время широкое распространение трактовка “стольпинского пути” чуть ли ни как образца аграрного развития, который, якобы, должен быть учтен и даже воспроизведен в современной перестройке аграрных отношений в советской деревне. Имеет место не только игнорирование исторического подхода и достоверных фактов, но и конъюнктурная фальсификация важного исторического события, что нашло отражение в выступлении нынешнего премьер-министра российского правительства И. С. Силаева на Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР³.

Цель настоящей статьи, во-первых, сводится к выявлению соотношения двух путей буржуазной аграрной эволюции, к показу места и роли в сельскохозяйственном производстве и аграрных отношениях помещичьего и крестьянского хозяйства как основы этих путей. Во-вторых, предпринимается попытка рассмотреть конкретные изменения, которые произошли в период стольпинской аграрной реформы в экономике и социальных отношениях в деревне и которые показывают и позитивные сдвиги в аграрном секторе, и причины краха реформы. Здесь рассматривается как реальный ход аграрного развития, так и прогнозируются некоторые его аспекты при допустимых альтернативных вариантах. В-третьих, в обобщенном виде раскрываются те противоречия аграрного развития, которые неизбежно вели к Октябрьской революции.

Проделанный анализ ограничивается территорией Европейской России, так как, с одной стороны, характер ее аграрного строя оказывал определяющее воздействие на всю страну, а с другой — имеющиеся источники наиболее полно отразили ход процесса именно в этом регионе.

Конкретно-фактической основой для решения указанных задач послужили прежде всего данные сельскохозяйственной статистики, собранные Центральным статистическим комитетом и содержащиеся в различных публикациях и архивных фондах⁴.

Обработка и анализ использованных данных потребовали применения наряду с традиционными и математико-статистических методов. В плане методическом наибольший интерес здесь представляет попытка применения методов имитационно-прогностического моделирования.

* * *

Стольпинская аграрная реформа была, как известно, второй после реформы 1861 г. “чисткой” земель для развития аграрного капитализма по консервативному, буржуазно-помещичьему (“прусскому”) пути. В этой связи необходимо напомнить о сути двух путей буржуазной аграрной эволюции и особенностях их проявления в России, ибо без учета этого обстоятельства невозможно раскрыть истинный характер и историческое значение стольпинской реформы.

Вопрос о двух путях буржуазной аграрной эволюции был поставлен и широко освещен В. И. Лениным на основе конкретного и фундаментального изучения хода аграрного развития России и других стран. Суть двух путей состояла в следующем. “Буржуазное развитие,— писал В. И. Ленин,— может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными... Оно может идти также имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „нарост” крепостнических латифундий и свободно развиваются

затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа⁵.

Объективно-исторически возможными были лишь два пути буржуазной аграрной эволюции (в их различных вариантах) в силу того, что формы организации сельскохозяйственного производства, предшествующие капитализму, исчерпывались крупным помещичьим (или рабовладельчески-плантационным, как было на Юге США) и мелким крестьянским хозяйством. Естественно, что победить мог лишь один из этих путей. И хотя оба они представляли собой типы прогрессирующего аграрного развития, условия этого прогресса, особенно в период утверждения аграрного капитализма, были существенно различными для широких крестьянских масс. Развитие по “прусскому” пути характеризовалось максимальным сохранением “помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации”. “Американский” путь обеспечивал “в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения”⁶.

Победа того или иного из двух путей определялась в плане экономического соотношении в сельскохозяйственном производстве помещичьего и крестьянского хозяйства и их производственно-техническим уровнем, а в плане социально-политическом — расстановкой и активностью классовых и общественно-политических сил, отстаивающих тот или иной путь. При наличии объективных исторических предпосылок развитие по “прусскому” пути могло быть обеспечено реформами, проводимыми государством, выражающим интересы помещиков, а по “американскому” пути — в результате победы буржуазно-демократической революции, устраняющей все полукрепостнические пережитки и прежде всего их основу — дворянско-помещичье землевладение. Поэтому первый из этих путей был реформистским, а второй — революционным.

Борьба двух путей буржуазно-аграрной эволюции могла иметь место повсюду, где соседствовали помещичье и крестьянское хозяйства. Практически к началу XX в. почти везде в Европе и Северной Америке победил один из двух путей. Важнейшей исторической особенностью России было то, что острейшая борьба двух путей буржуазной аграрной эволюции, развернувшаяся со времени отмены крепостного права, вплоть до 1917 г. так и не привела к победе того или иного из них. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего следует указать на то, что в Европейской России и к моменту отмены крепостного права, и в течение всей эпохи капитализма господствующее положение в сельскохозяйственном производстве занимало крестьянское хозяйство. Так, в основной отрасли этого производства, т. е. в земледелии, в 50-х гг. XIX в. на долю помещиков приходилось 21,9% всех посевов, а в 1916 г. — 11,3%⁷. Таким образом, роль помещичьего хозяйства в земледельческом производстве была не только незначительной, но и существенно сократилась в эпоху капитализма⁸.

Важные изменения произошли и на рынке в отношении крестьянского и помещичьего хлеба. Если, как показывают подсчеты, в середине XIX в. помещики производили немногим более половины товарного хлеба, то в конце эпохи капитализма — лишь пятую часть⁹.

Аналогичным было положение и в сфере скотоводства. Так, на долю частновладельческого (помещичьего по своим размерам) хозяйства приходилось лошадей в 1900 г. 15,3%, а в 1916 г. — 6,2%, а всего скота соответственно — 17,9% и 5,7%¹⁰.

Естественно, соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в различных регионах было неодинаковым, как и разными были темпы падения доли помещичьего хозяйства в различные периоды.

Помещичье хозяйство было наиболее широко распространено в западных

районах страны (Эстония, Латвия, Литва, западные губернии Белоруссии и Украины). В начале XX в. большая часть товарного хлеба производилась здесь помещиками¹¹.

Господствующее положение крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве к моменту крестьянской реформы 1861 г. было обусловлено особенностями аграрного развития России в эпоху феодализма. Важнейшая из них состояла в широком распространении системы государственного феодализма. Даже во многих районах Европейской России (прежде всего на северных, восточных и южных ее окраинах) государственные крестьяне составляли подавляющую часть сельского населения, не знавшего помещичьего хозяйства и помещичьего гнета. Поэтому с учетом того, что более 70% помещичьих крестьян находилось на барщине, крестьянское хозяйство все время оставалось ведущей формой организации сельскохозяйственного производства.

Другим существенным фактором, обуславливавшим ведущую роль крестьянского хозяйства и особенно специфику ведения помещичьего хозяйства, была крестьянская община с системой уравнильных земельных переделов и круговой порукой. В районах распространения такой общины (великорусские, восточнобелорусские и украинские левобережные губернии) при всей ограниченности возможностей к уравнительности тем не менее в силу того, что каждый крестьянин имел право на надел и получал его, сдерживалось образование слоя крестьян, не имевших земли и своего хозяйства¹².

Особенно важным следствием указанного положения было то, что в период крепостничества подавляющая часть помещиков, ведущих свое хозяйство и эксплуатировавших крестьян на барщине, не имела собственной производственно-технической базы (рабочий скот и сельскохозяйственные орудия) или она была крайне неразвитой. Помещики имели возможность пользоваться не только даровым трудом крепостных крестьян, но и их рабочим скотом, инвентарем и т. д. Тем самым не был накоплен опыт ведения хозяйства на основе собственной производственно-технической базы и эксплуатации лишенного средств производства крестьянства.

Поэтому помещичье хозяйство было не в состоянии быстро перестроиться на буржуазный лад после отмены в 1861 г. крепостного права. Сама эта неготовность, а также нежелание лишиться дарового крепостного труда обусловили, с одной стороны, сохранение после реформы не только привилегированного дворянского землевладения, но и целого ряда других факторов, связывавших крестьянское хозяйство с помещичьим (отрезки земли у крестьян, высокие выкупные платежи, право замены угодий и переселения крестьянских усадеб, помещичья власть над деревней вплоть до сохранения телесных наказаний и т. п.), а с другой стороны, потребовали переходного периода, необходимого для создания в помещичьем хозяйстве условий для буржуазной организации этого хозяйства. В результате на два десятилетия с лишним растянулся процесс перехода крестьян на выкуп, без чего крестьянское хозяйство не могло утвердиться как самостоятельная и свободная форма сельскохозяйственного производства, и возникла отработочная система помещичьего хозяйства, во многом сохранявшая его крепостнические черты (крестьянин отработывал у помещика со своим рабочим скотом и инвентарем аренду земли и различные ссуды). В итоге крестьянское хозяйство оказалось под мощным гнетом феодально-крепостнических пережитков, ограничивавших потенциальные возможности его развития. Обычно основное выражение этого гнета исследователи вслед за В. И. Лениным усматривают в отработках. Безусловно, отработки — сильнейшее проявление помещичьего гнета, наиболее очевидное по своей экономической неадекватности (компенсация трудовых затрат крестьян была здесь примерно вдвое ниже, чем при свободной продаже рабочей силы) и рутинности организации помещичьего хозяйства. Однако при незначительном его объеме и снижении гнет отработок не был столь тягостным для крестьян, как это представляется на первый взгляд. В самом деле, если бы в начале XX в. весь

объем производства в помещичьем хозяйстве базировался бы на обработках первого рода, то и тогда, при том что на долю помещиков приходилось не более десятой части сельскохозяйственного производства, обработки не были бы для крестьян невыносимыми. Кроме того, следует иметь в виду, что такая форма обработочной системы, как издольщина (при предоставлении помещиками не только земли, но и посевных материалов), была для крестьян, располагавших определенными избыточными сравнительно с имеющимся наделом трудовыми ресурсами и средствами производства, но не обладавшими денежными средствами для аренды земли, экономически выгодна. Она позволяла несколько расширить свое хозяйство без риска потерять денежный капитал в случае неурожая. Крестьянин терял здесь лишь свой труд¹³.

Вместе с тем обработки, несмотря на их сокращение, сохранились вплоть до 1917 г. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., учет соотношения площадей посевов и количества рабочего скота в помещичьем хозяйстве показывает, что помещики могли обработать своим рабочим скотом в Европейской России в целом только примерно две трети своих посевов¹⁴. Это свидетельствует о медленном развитии капитализма в помещичьем хозяйстве и широком распространении рутинных, полуфеодальных форм его организации в течение всей эпохи капитализма.

Однако значительно более мощным прессом, ограничивавшим развитие крестьянского хозяйства, были те платежи, которые несло крестьянство за выкуп наделных, покупку и аренду помещичьих земель. Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд. руб. выкупных платежей. С начала 60-х гг. XIX в. до 1910 г. они затратили 2 млрд. руб. на покупку частновладельческих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн. дес. земли. На это уходило ежегодно в конце XIX — начале XX в. примерно 150 млн. руб., а в период столыпинской аграрной реформы — не менее 250 млн. руб. Следовательно, крестьяне уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. В целом за период капитализма эта плата безусловно превысила 10 млрд. руб. Это был мощнейший пресс, ограничивавший развитие крестьянского хозяйства. Громадные ресурсы были изъяты из производственной сферы, ибо помещики, которым досталась подавляющая часть этих средств, тратили их чаще всего непроизводительно.

Здесь, правда, заслуживает специального изучения вопрос о том, в какой мере извлеченные у крестьян ресурсы в конечном счете оказались использованными для индустриального развития.

Однако помещики паразитировали не только на развитии крестьянского хозяйства. Они получали также огромные ссуды под залог земли в акционерных земельных банках и Дворянском государственном земельном банке. К началу 1915 г. этими банками было выдано 3545,1 млн. руб. ссуд¹⁵.

Наконец, привилегированное помещичье землевладение создавало общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру как для развития сельскохозяйственного производства, так и прогресса на основе буржуазных отношений народного хозяйства в целом. Тормозящая роль помещичьего землевладения и хозяйства приобрела наибольшую остроту в начале XX в. В это время развитие промышленного капитализма достигло высокого, монополистического уровня. На новый уровень вышло и развитие аграрного капитализма. В начале века происходило интенсивное формирование единого аграрного капиталистического рынка. Вслед за складыванием во второй половине XIX в. единого товарного рынка на основную сельскохозяйственную продукцию в начале XX в. в основном сложился единый рынок на средства производства и рабочую силу. Однако для завершения формирования единого капиталистического аграрного рынка необходим был единый рынок на основное средство сельскохозяйственного производства — землю. Но в силу ограниченности этого рынка (из свободного товарного оборота были исключены наделные земли, составлявшие в Европейской России, по земельной переписи 1905 г., 138,8 млн. дес. против 101,7 млн. дес.

частновладельческих земель¹⁶) и господства на нем привилегированного помещичьего землевладения в начале XX в. формирование его находилось лишь в самой начальной стадии¹⁷. От этого страдало прежде всего крестьянство, ибо отсутствие единого земельного рынка приводило к тому, что в России арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли. Помимо учета этой стоимости аренда включала в себя еще и экономически необоснованный налог землевладельца на арендатора, опирающийся на земельную монополию, привилегии помещичьего землевладения и нужду крестьян в земле. Этим и обуславливались огромные затраты крестьян на аренду земли.

С другой стороны, неразвитость земельного рынка, задерживая складывание единой средней нормы прибыли в сельском хозяйстве, исключала формирование единой средней нормы прибыли и в народном хозяйстве страны в целом. Тем самым ограничивался свободный перелив капиталов из одной сферы в другую, что является неременным условием производственного прогресса на основе законов рынка (законы стоимости, средней нормы прибыли, свободы хозяйственной деятельности и конкуренции).

К сожалению, указанные аспекты тормозящего воздействия помещичьего землевладения и хозяйства на аграрный прогресс и крестьянское хозяйство, а также на народное хозяйство страны в целом еще не привлекли должного внимания исследователей¹⁸.

Итак, мощное давление на крестьянское хозяйство со стороны помещика было одним из главных факторов аграрного процесса. Но это давление не сломило внутренних потенций прогрессирующего развития крестьянского хозяйства, важнейшим показателем чего может служить фактор весьма значительного расширения в пореформенной России земледельческого производства вообще и сбора зерновых культур и картофеля в особенности. Если в 70-х гг. XIX в. среднегодовые валовые сборы зерновых составляли 243,4 млн. чत्व. (четвертей), а картофеля — 40,8 млн. чत्व., а в переводе на зерно (3 чत्व. картофеля = 1 чत्व. зерна) — 257 млн. чत्व., то в 1909—1913 гг. они равнялись 395,5 млн. чत्व. зерна и 168,2 млн. чत्व. картофеля, или 451,6 млн. чत्व. зерна¹⁹, т. е. прирост валового сбора составлял 75,7%. Он шел значительно быстрее, чем увеличение населения. Поэтому чистые сборы хлебов и картофеля выросли в это время с 2,68 до 3,53 чत्व. на душу населения, т. е. на 31,7%. Это весьма значительный даже по современным условиям прогресс, и он был всецело достигнут крестьянским хозяйством. Разумеется, это никоим образом не означало, что произошло и пропорциональное этому прогрессу улучшение положения крестьян. Основные его плоды достались господствующим классам, и прежде всего помещикам. Ясно, что если бы крестьянское хозяйство было свободно от давления, то указанный прогресс был бы намного большим, а его плодами воспользовалось бы и крестьянство. Однако в существовавших условиях крестьянский тип аграрного капитализма не мог восторжествовать. Для этого было необходимо прежде всего устранить помещичье землевладение.

Что касается помещичьего хозяйства, то, несмотря на огромные ресурсы, которые оно извлекло из крестьянского хозяйства и мощную экономическую и социально-политическую поддержку самодержавного государства, оно не только не смогло увеличить свой вклад в развитие сельскохозяйственного производства, но и при сократившихся размерах не достигло в целом производственно-технического превосходства над хозяйством крестьянским.

В таблице 1 на основе данных земельной и сельскохозяйственной переписи показана обеспеченность помещичьего и крестьянского хозяйств орудиями и скотом в 1917 г. (в среднем по 34 губерниям Европейской России). Лучше крестьян помещики были обеспечены лишь усовершенствованными орудиями (сеялки, жатки, валики, молотильные машины). Наличие у помещиков некоторого количества машин, приводимых в движение паровыми установками и двигателями внутреннего сгорания, не оказывало существенного воздействия на производственно-техническую базу их хозяйства²⁰. И только по применению

**Уровень помещичьего и крестьянского хозяйства Европейской России
в 1917 г.
(на 100 дес посева)**

	Помещики	Крестьяне
Рабочий скот	18,1	35,0
Продуктивный скот	6,6	55,8
Плуги	6,8	13,1
Усовершенствованные орудия	5,6	4,2
Наемные рабочие	14,4	1,1

наемного труда помещичье хозяйство значительно превосходило крестьянское. Основой первого был труд наемных рабочих, а второго — семейный труд. Общее положение было таково, что и в указанном аспекте помещичье хозяйство* не могло определить исход борьбы двух путей буржуазной аграрной эволюции.

Таким образом, в пореформенную эпоху и помещичье, и крестьянское хозяйства развивались по пути капитализма, и к началу XX в. буржуазные отношения в обоих типах хозяйств играли ведущую роль. Однако уровень аграрного капитализма был низким и его развитие сочеталось с многочисленными полукрепостническими пережитками²¹. В крестьянском хозяйстве господствующее положение занимал мелкобуржуазный уклад, основой этого хозяйства служил семейный труд. Собственно капиталистическое, фермерское хозяйство, базой которого был наемный труд, играло незначительную роль

Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX — начале XX в. По данным военно-конских переписей, в 1888—1891 гг. безлошадные и однолошадные дворы в губерниях Европейской России составляли 55,8% всех дворов, а дворы с четырьмя и более лошадьми — 10,7%. В 1912 г это соотношение соответственно равнялось 63,8% и 6,4%. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, с другой — неустойчивое положение зажиточного крестьянства, приводившее в условиях растущего давления на деревню к его прямо-таки стремительному сокращению, что ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров. Все это порождало общее недовольство существующим положением.

В помещичьем хозяйстве господство буржуазных отношений сочеталось с сохранением привилегированного, феодального по своей природе землевладения, служившего основой для экономического и другого гнета крестьянства. Следствием этого было то, что в стране сформировался новый социальный слой, представители которого выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства, и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица одновременно были и капиталистами-аграриями, и помещиками-полукрепостниками.

Альтернативный характер становления в стране аграрного капитализма вызывал острейшую борьбу, охватывающую все классы и социальные слои и общественно-политические силы, а аграрно-крестьянский вопрос был основным вопросом общественной жизни в течение всей эпохи капитализма. И хотя объективно-исторические предпосылки для торжества “крестьянского” капитализма имели под собой несравненно более широкую основу, чем капитализма “помещичьего”, исход борьбы двух путей определялся соотношением социальных сил. К началу XX в. неизбежность, если можно так выразиться, прямой “схватки” этих сил, стала очевидной. В революции 1905—1907 гг. решало вопрос о создании условий, необходимых для победы “крестьянского” тип. капитализма в буржуазном аграрном развитии. Но революция потерпел,

поражение, и такие условия не были созданы²². Естественно, помещики и самодержавное государство должны были предпринять усилия для укрепления своего господства и обеспечения главенства помещиков в аграрном строе страны и, в конечном счете, торжества консервативного типа буржуазной аграрной эволюции. Столыпинская аграрная реформа и должна была решить эту задачу.

* * *

Официально столыпинская аграрная реформа была провозглашена именным высочайшим указом Сенату 9 ноября 1906 г. “О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования”, который был принят как закон 10 июня 1910 г. Основные идеи, положенные в основу реформы, а именно необходимость ликвидации общин и вовлечение надельных земель в свободный режимный оборот, высказывались задолго до П. А. Столыпина. Их, в частности, активно развивал еще до революции 1905—1907 гг. С. Ю. Витте.

Прежде чем рассматривать суть и ход реализации реформы, напомним об общей оценке реформы, данной современниками. Наиболее концентрированно и развернуто она прозвучала при обсуждении аграрного вопроса в III Государственной думе.

Сам Столыпин, выражая позицию правительства в своем выступлении в Думе (в ноябре 1907 г.), отстаивая реформу, говорил: “Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы”²³. В другой речи он подчеркивал, что, проводя реформу, правительство “ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных”²⁴.

Лидер крайне правых Н. Е. Марков-второй приветствовал “появление нового класса крестьян — мелких собственников или крестьян — помещиков... ибо они дадут больше пищи народу, а следовательно, от их появления народу будет лучше”. Те, кто требует отчуждения частной земли, “стоят за голод и нищету народа”²⁵. Помещик-октябрист А. Д. Голицын оценивал общину как стоячее болото, которое дает “послушный материал для всякого рода массовых выступлений”. Путь к прогрессу деревни, по его мнению, — “свободная от гнета общины личность, просвещение, культура и ограждаемый законом упорный частный труд”²⁶. Кадет А. Е. Березовский указывал, что “теперь истинный план и расчеты правительства не скрываются и им самим; оно откровенно говорит, что эта мера (аграрная реформа. — *И. К.*) необходима для того, чтобы приступить к насаждению крепкого крестьянского хозяйства”²⁷. Фракция трудовиков в III Думе полагала, что указ от 9 ноября 1906 г. “преследует политическую цель расслоения деревни на зажиточное меньшинство, которое должно явиться прочной опорой правительства и земледельческого класса, и экономически зависимую и политически совершенно бесправную массу”. “Он выгоден главным образом помещикам и фабрикантам, так как значительно увеличивает предложение труда и понижает и без того крайне низкую заработную плату”²⁸. “Правительство поняло, — подчеркивал В. И. Ленин, — что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богачей”²⁹. Социально-экономическую и общественно-политическую направленность реформы можно резюмировать словами немецкого свидетеля профессора Аугагена: “В широкие крестьянские массы, — писал он, — вгоняется клин путем создания слоя крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения”³⁰.

Таким образом, основная цель реформы состояла в расширении путем раскола относительного единства и общности интересов крестьянского мира условий для торжества аграрного капитализма в его консервативно-помещичьем, “прусском” варианте и укрепления социальной опоры самодержавного строя.

Главным путем достижения указанной цели были ликвидация крестьянской общины с присущей ей системой землевладения и землепользования и создание широкого слоя личных крестьян-собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство и расширяющих его прежде всего за счет покупки бывших общинных наделных, а не только частновладельческих (прежде всего дворянских) земель, как было до реформы. Указанную суть реформы следует иметь в виду нашим современникам, усматривающим в ней чуть ли не образец для решения современных аграрных проблем.

Посмотрим, в какой мере правительству удалось практически реализовать намеченные реформой меры.

Прежде всего об общине. По данным земельной переписи 1905 г., в 50 губерниях Европейской России³¹ насчитывалось 12,3 млн. дворов, владевших 138,8 млн. дес. наделной земли. На общинном праве владели землей 9,2 млн. дворов (76,7% всех дворов), которым принадлежало 100,7 млн. дес. (80,4% наделной земли). Вместе с казачеством на общинном праве находилось 77,2% дворов и 83,4% наделных земель.

По сведениям губернаторов, которые далеко не были заинтересованы в преуменьшении успехов в проведении реформы и располагали наиболее обширными данными о положении дел в губерниях, к 1 января 1916 г. выделились из общины и укрепили землю в личную собственность 2,5 млн. дворовых хозяйств (27% всех общинных дворов), имевших 15,9 млн. дес. (14% всех общинных земель)³². Наиболее активным выходом из общины был в 1908—1910 гг. (вышло более половины всех выделившихся дворов), а с 1911 г. выход из общины резко сократился.

Очевидно, что курс на ликвидацию общины потерпел провал, что подрывало возможность достижения основной цели реформы. И дело здесь не только в том, что выделилось из общины лишь немногим более пятой части дворов. Важно и то, что, во-первых, из общего числа выразивших желание выйти из общины лишь немногим более четверти дворов (26,6%) получили от сельского общества согласие на выход. Большая же часть выделившихся (72,3%) получила разрешение на выход от местных властей, т. е. утверждение личного землевладения совершалось под административным нажимом на деревню³³. Во-вторых, из общины вышли отнюдь не только наиболее состоятельные крестьяне, стремившиеся вести предпринимательское хозяйство. Это прежде всего видно из того, что на 27% дворов, вышедших из общины, приходилось всего 14% общинных наделных земель.

Конкретные цели выхода из общины рассматриваются в обследованиях и опросах, проводившихся различными организациями и обществами. Так, в ответах корреспондентов Вольного экономического общества выделяются три причины выхода из общины: 1) боязнь потерять при переделе имевшиеся излишки земель; 2) стремление продать землю; 3) желание вести самостоятельное хозяйство³⁴. По сведениям, собранным Московским обществом сельского хозяйства, в 1909 г. укрепили землю в собственность для ее продажи 52,5% опрошенных, из опасения потерять излишки земли при переделе - 27,3% и для улучшения хозяйства лишь 18,7%³⁵. Аналогичное положение было и в других районах³⁶.

Таким образом, из общины уходили прежде всего представители полярных слоев деревни — полностью или в значительной мере пролетаризированные ее слои, стремившиеся продать надел, и наиболее состоятельные крестьяне, ведущие предпринимательское хозяйство. Этим было обусловлено то, что самая высокая доля дворов, вышедших из общины, была в районах с наибольшим

развитием капитализма в крестьянском хозяйстве. Это губернии — Таврическая (63,6%), Екатеринославская (54,1%), Самарская (49,4%), Киевская (48,6%), Курская (43,8%). Наименьшее число дворов вышло из общины в Пермской (4%), Вятской (4,9%), Астраханской (5,3%), Вологодской (6,5%) губерниях, т. е. на окраинах Европейской России, где помещичье землевладение и хозяйство играли незначительную роль, а обеспеченность крестьян наделной землей была самой высокой сравнительно с другими районами. Обращает на себя внимание и тот факт, что доля вышедших из общины в нечерноземной полосе (13,8%) была вдвое ниже, чем в черноземной (27,7%). Исключением была Московская губерния (31,2%)³⁷.

Столь существенные различия в выходе из общины свидетельствуют о том, что этот процесс был тесно связан со спецификой социально-экономического развития различных регионов. Поэтому необходим специальный анализ зависимости выхода из общины от соотношения помещичьего и крестьянского землевладения и хозяйства, развития капитализма в городе и деревне и других факторов. Нуждаются в более глубоком изучении и причины того, почему община выдержала мощный натиск на нее. Поэтому следует не только раскрыть негативное воздействие общины на аграрное развитие, что прежде всего и делается в историографии, но и конкретно показать общину «как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз»³⁸, в котором остро нуждалось крестьянство, в том числе и зажиточное.

Выход из общины не только превращал наделы в личные владения крестьян, но и предусматривал право сведения их воедино в виде отрубов или хуторов, что значительно расширяло свободу хозяйственной деятельности, без которой не мог сложиться слой крестьян-предпринимателей, на насаждение которого и была направлена реформа.

В 1907—1915 гг. на наделных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3% от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12 232 тыс. дес. земли (8,8% всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн. дес. земли³⁹, что составляет 11% от общей площади наделных земель. Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны.

Важным является и то обстоятельство, что почти половина участкового землевладения (7 млн. дес. из 15,4 млн. дес.) было сконцентрировано всего в семи южных и юго-восточных губерниях (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Саратовская, Самарская, Ставропольская губернии)⁴⁰, на которые приходилось менее 10% всех наделных земель. По отношению к ним участковое землевладение составляло здесь примерно треть. Именно здесь, в районах Степного юга и юго-востока Европейской России, личное участковое землевладение и землепользование могло в наибольшей мере воздействовать на ход буржуазной аграрной эволюции.

Расширить и укрепить слой личных собственников-крестьян правительство рассчитывало, во-первых, путем скупки ими наделной земли, поступившей в свободный товарооборот, и, во-вторых, путем содействия покупке крестьянами частновладельческих земель через Крестьянский поземельный банк. Итоги здесь были такими.

Всего в 1908—1915 гг. наделную землю полностью или частично продали 1,1 млн. дворов (9% всех крестьянских дворов). Ими было продано 4 млн. дес. земли (2,8% всех наделных земель). При этом 87% проданных земель находилось в общинном, а 13% — в подворном владении⁴¹. Очевидно, что указанный размах продажи наделных земель лишь в малой степени влиял на развитие земельного рынка, замедленность формирования которого, как указывалось, тормозила развитие капитализма в стране. Продавали землю в основном бед-

нейшие слои деревни⁴². Это была, если можно так выразиться, продажа “из нужды”. Поэтому, как правило, продавался весь надел. Продавали надельную землю и зажиточные крестьяне, но это было связано с более рациональной организацией хозяйства (например, переселение на купленные частновладельческие земли). Покупали надельные земли прежде всего крестьяне самостоятельные.

Значительно большую роль в расширении участкового крестьянского землевладения в годы столыпинской реформы сравнительно с надельными землями имели покупки частновладельческих земель. Содействие этим покупкам оказывал Крестьянский поземельный банк, учрежденный в 1882 г. Банк продавал крестьянам или принадлежавшие ему земли, купленные у частных землевладельцев, или оказывал путем выдачи ссуд содействие в приобретении ими этих земель у самих владельцев. В годы столыпинской реформы деятельность банка значительно активизировалась. Если до 1906 г. крестьянами было приобретено через банк 8,3 млн. дес., то в 1906—1916 гг. — 9,6 млн. дес. При этом наиболее активной деятельностью банка была в 1908—1911 гг., когда площадь приобретенной через банк земли составляла 5,2 млн. дес. Далее идет существенное сокращение этих покупок. Три четверти проданной через банк земли принадлежало дворянам. Среди покупателей росла доля зажиточных крестьян, которым, несомненно, принадлежала большая часть купленных земель⁴³.

В целом рынок приобретаемых крестьянами через банк земель был более широким, чем рынок земель надельных. Однако и покупка земли через Крестьянский банк также не дала существенных сдвигов ни в насаждении предпринимательских крестьянских хозяйств, ни в развитии земельного рынка. Общие покупки крестьянами надельных и частновладельческих земель за время столыпинской реформы составляли лишь 10% по отношению к надельным землям (4 млн. дес. надельных и 9,6 млн. дес. частновладельческих земель при 139 млн. дес. надельных земель). При этом, как указывалось, с 1912 г. начинается падение объема приобретаемой крестьянами земли. Так, если в 1910—1911 гг. было приобретено (надельных и частновладельческих) 4 млн. дес., то в 1913—1914 гг. — лишь 2,9 млн. дес.

Одной из важнейших причин низкого уровня товарного оборота земли была социальная узость, помещичья направленность земельной политики самодержавия. Крестьянский банк покупал помещичьи земли по явно завышенным ценам, которые к тому же росли. Так, средняя цена десятины земли, купленной крестьянами через банк до 1906 г., была 81 руб., а в 1906—1916 гг. — 133 руб.⁴⁴ В итоге росли платежи по ссудам банка, а вместе с ними и задолженность. Характерно, что до 1911 г. задолженность сокращалась (в 1910 г. она составляла 21,3% к годовому окладу), а с 1911 г. начинает быстро расти (в 1914 г. она равнялась 51,6% оклада)⁴⁵.

Таким образом, с одной стороны, самодержавие стремилось насадить в деревне слой самостоятельных крестьян-предпринимателей, а с другой, выдвигая на первый план интересы помещиков, оно мало содействовало этому процессу. Ставка делалась на то, что распад общины приведет к концентрации состоятельными крестьянами в своих руках материальных, и прежде всего земельных ресурсов деревни.

Этой же цели, а также разрядке социального напряжения в деревне, служила и политика переселения крестьян за пределы Европейской России. Итоги этого процесса хорошо известны. Напомним лишь, что в 1880—1895 гг. в восточные районы страны переселилось 461,7 тыс. человек, в 1896—1905 гг. — 1075,9 тыс. а в 1906—1911 гг. — 3078,9 тыс. Около пятой части (18,6%) переселившихся в 1896—1916 гг. вернулись обратно. При этом и переселенческое движение достигло своего максимума в 1907—1909 гг., после чего начался его спад⁴⁶.

При всех трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, они несомненно внесли, как показано в обширной литературе, существенный вклад в хо-

зыйственное освоение новых регионов. Однако переселения не ослабили ни земельной нужды крестьянства, ни социальной напряженности в деревне. Не привели они и к заметному росту могущества состоятельных слоев деревни, хотя прежде всего им достались земли переселенцев.

Таковы основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы. Со всей очевидностью эти итоги свидетельствуют о том, что столыпинская аграрная реформа провалилась еще до первой мировой войны. Поэтому бесосновательны всякие утверждения о том, что для успеха реформы, а следовательно, и для торжества в России порядков, установившихся в Западной Европе, не хватило мирного времени. При этом, как уже указывалось, игнорируется и то обстоятельство, что буржуазное аграрное развитие шло и по альтернативному, буржуазно-демократическому пути.

* * *

Посмотрим теперь, каково было воздействие столыпинской реформы на общий ход аграрного развития. Судить об этом по целому ряду важных аспектов этого развития позволяют имеющиеся статистические данные как хорошо известные (урожайная статистика, военно-конские переписи), так и еще не введенные в широкий научный оборот. Особую ценность среди последних имеют сведения о землевладении и землепользовании, размерах посевов и количестве рабочего и другого скота в крестьянских и частновладельческих (помещичьих) хозяйствах в 1906—1907 гг. и 1912—1913 гг., т. е. непосредственно в период реформы, собранные Центральным статистическим комитетом и хранящиеся в ЦГИА. Эти сведения дают реальную, а не искаженную в официальных публикациях картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства⁴⁷. Правда, они охватывают лишь 19 губерний на первый момент (11 губерний за 1906 г. и 8 — за 1907 г.) и 12 губерний на второй (6 губерний за 1912 г. и 6 — за 1913 г.). Итоги обработки этих данных по ряду показателей приведены в таблице 2.

Прежде всего интересно посмотреть, как изменилось в годы реформы соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства. Доля помещиков в крестьянском и частновладельческом землевладении во всех районах сократилась. Сократилась (кроме Нечерноземного района) и доля помещичьих посевов. Характерно, что в двух черноземных районах, на которые приходилась подавляющая часть посевов всех 17 рассматриваемых губерний, сокращение доли помещичьих посевов в Южном районе было намного ниже, чем в Среднечерноземном. Но в целом падение роли помещичьего хозяйства в рассматриваемый период происходило интенсивней, чем в период от реформы 1861 г. и до реформы Столыпина⁴⁸. Это — следствие широкой распродажи земель помещиками под воздействием революции. Столыпинская реформа не внесла здесь существенных изменений. Крестьянский поземельный банк лишь более активно, чем прежде, содействовал выгодной продаже земли помещикам.

Существенным является тот момент, что в Западном и Южном районах возросла доля рабочего скота, принадлежавшего помещикам. Следствием этого было то, что здесь значительно увеличилась доля помещичьих посевов, которые могли быть обработаны собственным рабочим скотом (на западе — с 71,1 до 90%, а на юге — с 68,1 до 82,4%)⁴⁹. Это — несомненное свидетельство ускорения процесса утверждения буржуазных отношений в помещичьем хозяйстве. Вместе с тем в Среднечерноземной полосе, где была сосредоточена большая часть помещичьих посевов рассматриваемых губерний, эта доля изменилась несущественно (с 53,2 до 55,9%) и была лишь немногим более половины. Это значит, что здесь были широко распространены отработки. Среднечерноземная полоса, как и до реформы, осталась бастионом полукрепостнических пережитков.

В целом столыпинская реформа не внесла каких-либо существенных изменений в развитие помещичьего хозяйства. Да она и не ставила такой задачи.

Таблица 2

Крестьянское и помещичье хозяйства в 1906—1913 гг.*

Показатели	Районы					
	Северный (1 губ)	Нечерно-земный (4 губ)	Западный (3 губ)	Среднечер (7 губ)	Южный 2 губ. 4 губ.	
Дворов	199,4	529,5	378,4	2 162,4	462,4	—
	238,5	706,9	460,8	2 462,8	506,4	1081,9
Всего крестьянских и частновладельческих зе-	1 879,8	8 723,6	6 965,6	25 903,5	9 193,7	-
Частновладельческих	1 912,2	8 782,9	7 052,5	25 165,0	9 354,4	21 943,9
	6,2	11,1	32,2	23,4	27,9	—
	3,4	8,6	28,1	19,8	26,1	24,9
Крестьянской земли, % надельной	96,8	95,0	97,3	88,1	69,5	—
	91,8	95,2	91,5	84,9	74,9	72,0
купчей	1,8	3,2	2,4	5,5	11,6	—
	4,2	3,7	8,0	10,1	8,9	10,9
арендованной	1,4	1,8	0,3	6,4	18,8	—
	4,0	1,1	0,5	5,0	16,7	17,1
Всего землепользования		14,6	32,5	9,5	12,9	—
		11,4	11,1	8,6	12,8	15,2
Всего крестьянских и (тыс. дес.)	596,4	2794,5	2692,7	13013,4	5 436,8	—
Частновладельческих	671,2	3 137,3	2829,2	14417,9	5 905,4	14673,7
	4,0	7,7	31,3	21,7	22,5	—
Частновладельческих	3,0	7,8	27,3	17,7	20,0	19,0
посевов, обрабатываемых	100,0	91,7	71,0	53,2	68,1	—
	100,0	97,7	90,0	55,9	82,4	76,0
Всего крестьянского и частновладельческого	117,2	1 161,3	691,0	3 237,5	929,2	—
Частновладельческого	125,4	1 061,0	762,2	3 457,8	956,6	2581,4
	2,3	7,1	22,2	11,6	15,2	—
У крестьян на двор:	1,3	4,5	24,6	9,7	16,4	14,8
посевов (дес.)	2,9	4,9	4,9	4,7	9,1	—
	2,7	4,1	4,5	4,9	9,3	11,1
голов рабочего скота	1,2	2,0	1,4	1,3	1,7	—
	1,2	1,4	1,2	1,3	1,6	2,0

* Таблица составлена по данным ЦСК. ЦГИА СССР ф. 1290 оп. 5 д. 119—120, 130—132. В первой строке сведения за 1906/07 г., во второй — за 1912/13 г.; **Северный район** — Вологодская губ.; **Нечерноземный** — Костромская, Новгородская, Псковская, Петербургская, **Западный**, - Виленская, Грозненская, Ковенская; **Среднечерноземный** — Орловская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Харьковская, Полтавская, Черниговская; **Южный** - за оба периода — Таврическая, Саратовская, а за второй — еще Екатеринославская, Донская губернии.

Динамика сбора хлебов и картофеля в Европейской России *

	Годы				
	70-е	80-е	90-е	1900—1905	1909—1913
Зерновые, млн. чтв.	243,4	284,2	335,5	381,2	395,5
Картофель, млн. чтв.	40,8	49,8	96,4	118,8	168,2
Всего **	257,0	300,8	367,6	420,8	451,6
В % к предыдущему периоду		117,0	122,2	114,5	107,3
Среднегодовой прирост в %		1,70	2,22	2,41	1,46

* Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века (данные за 70—90-е гг.). Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й (данные по началу XX в.) Подсчет автора.

** С пересчетом картофеля на зерно.

Цель состояла в обратном — в сохранении в неприкосновенности буржуазно-консервативного, сопряженного с крепостническими пережитками характера развития помещичьего хозяйства.

Конкретные изменения в крестьянском землепользовании и хозяйстве состояли в следующем. Везде в землепользовании (кроме западных губерний) сократилась доля арендованных и возросла (кроме южных губерний) доля покупных земель. Покупные и арендуемые земли составляли существенную часть землепользования в Южном районе, но за время реформы она не возросла, а сократилась (с 30,4 до 25,1%). В другом земледельческом районе (Среднечерноземном) товарная часть землепользования возросла в 11,9 до 15,2%. В общем изменения в структуре крестьянского землепользования не были существенными. Так, среднегодовой прирост покупных земель крестьян в 19 губерниях составил в 1877—1905 гг. 6,9%, а в 1906—1913 гг. — 7,4%, т. е. реформа, несмотря на то, что теперь крестьяне покупали в собственность и наделные земли, не дала ожидаемых результатов⁵⁰. В целом крестьянское землепользование осталось низкотоварным, наделно-натуральным.

В состоянии крестьянского хозяйства каких-либо серьезных сдвигов также не произошло. Относительные размеры общего землепользования крестьян (всех земель на двор), за исключением Южного района (где они остались прежними), несколько сократились. Но размеры посевов и количество рабочего скота на двор, кроме Нечерноземного района, остались неизменными. Наиболее высоким в указанном отношении уровень крестьянского хозяйства был в Южном районе.

Конечные результаты воздействия столыпинской реформы на развитие сельскохозяйственного производства отражаются в его состоянии. Посмотрим, каким было состояние основной отрасли этого производства — земледелия. Выше уже говорилось о его существенном прогрессе в конце XIX — начале XX в. Что же дала для этого прогресса столыпинская аграрная реформа?

Обобщенным показателем успехов в развитии сельскохозяйственного производства являются данные об объеме производимой продукции (см. табл. 3).

Валовые сборы земледельческой продукции в 1909—1913 гг., т. е. в разгар столыпинской реформы, возросли сравнительно с началом века незначительно (всего на 7,3%). Среднегодовой же прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46% против 2,41%). Поэтому утверждения о росте сбора хлебов в период реформы в два раза⁵¹ являются чистейшим вымыслом. Даже по сравнению с 70-ми гг. XIX в. этот прирост (по зерновым и картофелю) составил всего 75,7%. Реформа не привела к сдвигу в развитии земледелия. Пик этих сдвигов был пройден до революции 1905—1907 гг.

Столь же беспочвенны и утверждения о процветании сельскохозяйственного производства в период столыпинщины на том основании, что Россия экспортировала много хлеба. Да, действительно вывоз был большим. Так, в 1909—

Соотношение в Европейской России различных слоев крестьянства *

Показатели	Губернии				47 губерний
	нечерноземные (23 губ.)	среднечерноземные (15 губ.)	степные (6 губ.)	прибалтийские (3 губ.)	
1888—1891 гг.					
Всего дворов, тыс.	4 376,3	4 163,8	1 084,1	207,7	9831,9
в %:					
безлошадных	20,6	34,9	28,9	11,0	27,2
с 1 лошастью	36,6	23,0	16,4	33,8	28,6
с 2 »	23,4	21,8	23,7	22,8	22,7
с 3 »	11,4	10,2	10,0	16,1	10,8
с 4 и более »	8,4	10,1	21,0	16,3	10,7
1899—1900 гг.					
Всего дворов, тыс.	4 957,6	4 685,5	1 216,2	261,1	11 119,4
в %					
безлошадных	23,9	36,6	25,2	17,9	29,3
с 1 лошастью	38,6	25,0	16,0	32,3	30,3
с 2 »	21,4	22,3	24,0	20,4	22,0
с 3 »	9,2	8,8	11,6	14,1	9,4
с 4 и более »	6,9	7,3	23,2	15,3	9,0
1912 г.					
Всего дворов, тыс.	5 905,3	5 507,2	1 482,0	231,4	13 125,9
в %					
безлошадных	25,8	39,5	27,4	22,2	31,6
с 1 лошастью	41,9	25,9	16,1	33,8	32,2
с 2 »	21,0	22,4	26,2	22,6	22,2
с 3 »	6,9	7,4	10,6	11,5	7,6
с 4 и более »	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4

* Подсчет по Военно-конская перепись 1888 г. СПб. 1881, 1891 г СПб, 1894, 1899-1900 гг. СПб., 1902, 1912 г СПб., 1913 Исключены из за неполных данных Архангельская и Астраханская губернии и Область Войска Донского

1913 г. вывозилось в год 724,4 тыс пуд. (или примерно 90 млн. четвертей)⁵², что составляло более пятой части сбора зерновых культур в это время (см. табл. 3) Но громадный вывоз был обусловлен не наличием излишков хлеба сравнительно с внутренней потребностью. Выше указывалось, что в это время производилось в расчете на душу населения примерно 3 четверти чистого сбора зерна. Если учесть, что это количество считалось еще в XIX в. минимальной нормой, необходимой для удовлетворения продовольственных и хозяйственных нужд, то даже при значительных сборах картофеля действительные излишки хлеба в стране были невелики.

Огромный вывоз, достигший в период реформы максимальных объемов, безусловно понижал потребление хлеба подавляющей частью крестьян, т. е. ухудшал их положение Интенсивный экспорт хлеба был обусловлен тем, что его вывоз был основным источником поступления валюты. В те же 1909—1913 гг. экспорт хлеба давал ежегодно более 650 млн. руб. За 14 предвоенных лет экспорт дал 7,3 млрд. руб.⁵³ И хотя продавался хлеб, произведенный прежде всего крестьянством, маловероятно, что значительная часть этой огромной суммы валютных поступлений досталась крестьянству.

Наконец, о результатах главной цели реформы, а именно о радикальном изменении социальной структуры деревни путем насаждения мощного слоя состоятельных индивидуальных собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство.

Обобщенным показателем здесь могут быть сведения об изменении соотношения в деревне различных слоев крестьянства. В таблице 4 указано соотношение этих слоев по данным об обеспеченности лошадьми.

В самом общем плане процесс характеризовался следующими чертами. В нечерноземных и среднечерноземных районах в течение всего периода происходило сокращение доли состоятельных (с 4 и более лошадей) дворов и возрастание доли беднейших (безлошадных и однолошадных) дворов. При этом в начале XX в. оно шло интенсивней, чем в конце XIX в. Таким же было направление процесса и в Прибалтике. Здесь особенно существенно сократился слой многолошадных дворов в начале XX в. Наименьшими изменения в соотношении групп были в Южном и Юго-Восточном районах. Его отличием было то, что здесь сравнительно с другими районами слой беднейших крестьян был наименьшим, а зажиточных — наибольшим. Значительным слой состоятельных крестьян был и в Прибалтике.

В целом процесс социального расслоения деревни характеризовался преимущественным выделением в деревне нечерноземной и среднечерноземной полосы пролетарских и полупролетарских слоев, а в Прибалтийском и особенно Южном — обуржуазивавшихся слоев деревни. При этом не обнаруживается расширения слоя зажиточного крестьянства под воздействием столыпинской реформы.

Однако соотношение дворов различной хозяйственной состоятельности не отражает их веса в экономике деревни. Применительно к земледельческому производству достаточно точное представление об этом весе дает распределение хозяйств по наличию рабочего скота. Имеющиеся данные показывают, что доля зажиточных слоев в земледельческом производстве примерно равнялась доле принадлежащих им лошадей⁵⁴. В целом по Европейской России последняя сократилась с 38,1% в 1888—1891 гг. до 32,2% в 1899—1900 гг. и до 26% в 1912 г. Доля зажиточных крестьян в земледельческом производстве упала примерно с двух пятых до трети в конце XIX в. и до одной четвертой в начале XX в. Земледелие все в большей мере основывалось на середняцко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. еще более усилила ее.

Сокращение доли рабочего скота у зажиточных крестьян было наиболее интенсивным в Нечерноземном районе. В названные выше периоды эта доля составляла соответственно 33,8, 24 и 17,2%. Очень существенно она сократилась и в Среднечерноземной полосе: 34,5, 27,4 и 21,1%. В Прибалтике падение этого показателя началось лишь в начале XX в.: 37,7, 39,4 и 29,9%. И наиболее устойчивой роль состоятельного крестьянства в экономике деревни была в Степном районе: 60, 59,9, 55,1% раб. скота. Кроме того, это был единственный район, где на долю зажиточного слоя деревни в течение всего рассматриваемого периода приходилось более половины земледельческого производства. Определенную роль в этом сыграла и столыпинская реформа. Вызванное ею расширение предпринимательской деятельности крестьян почти предотвратило сокращение здесь удельного веса состоятельного крестьянства в экономике деревни.

Производственно-технический уровень хозяйства зажиточных крестьян в начале XX в. несколько повысился. Они имели в среднем по Европейской России на двор лошадей: в 1888 г.— 6,1, в 1900 г.— 5,2, в 1912 г.— 5,5. Но в целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замыслилось, но их роль даже заметно уменьшилась. Значит, еще до первой мировой войны и в своем главном аспекте реформа не достигла цели. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что для торжества замыслов реформаторов не хватило мирного времени, и в этом плане являются необоснованными. Ход проведения реформы в жизнь полностью подтверждает сделанное выше на основе анализа общих условий и тенденций аграрного развития заключение о невозможности победы в России буржуазно-консервативного, помещичьего типа аграрного капитализма не только в форме непосредственного господства помещичьего хозяйства, но и в форме союза помещиков и состоятельных индивидуальных земельных собственников-крестьян. Достаточно обширный слой зажиточных

Таблица 5

Имитационная модель соотношения типов крестьянских хозяйств в Европейской России (в %)

Показатели	Губернии				Европейская Россия
	нечерноземные	средне-черноземные	степные	прибалтийские	
Фактическая доля дворов в 1912 г.*:					
беднейшие	67,6	65,4	43,5	56,0	63,8
средние	27,9	29,8	36,8	34,1	29,8
зажиточные	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4
Расчетная доля дворов (в %) в 1912 г по данным за 1900 г :					
беднейшие	65,6	63,1	38,6	48,8	59,6
средние	28,2	30,3	37,0	37,3	31,8
зажиточные	6,2	6,3	24,4	13,9	8,6
Расчетная доля дворов в начале 1920-х г по данным за 1912 г :					
беднейшие	67,2	66,3	42,7	55,9	66,4
средние	29,1	29,4	37,6	37,3	28,1
зажиточные	3,7	4,3	19,7	6,8	5,5

* Доля дворов за 1888, 1900, 1912 гг. указана в табл. 4 К беднейшим отнесены безлошадные и однолошадные дворы, к средним — с 2 и 3 лошадьми, к зажиточным — с 4 и более.

крестьян предполагалось создать в результате ликвидации общин и передачи им наделных земель в личную собственность. Но нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне сделали невозможным утверждение и этого варианта помещичьего капитализма.

Такое положение подтверждается еще одним аспектом анализа. Речь идет об имитации возможных изменений в социальной структуре деревни путем построения альтернативно-имитационной модели процесса⁵⁵. Суть этого моделирования состоит в выявлении хода развития при условиях, отличных от реально существовавших, но исторически допустимых. Подобные модели важны не тем, как нередко полагают, что они, рисуя иной ход процесса, могут быть основой для суждений о благоприятном или неблагоприятном ходе реального развития, а тем, что они позволяют более глубоко понять, почему реальный процесс был таким, а не иным.

Применительно к столыпинской реформе теоретически допустимы два варианта хода аграрного развития. Посмотрим, какова могла бы быть при этом социальная структура деревни.

В данном случае при моделировании был использован метод так называемых “марковских цепей”. Суть его состоит в том, что по имеющимся данным о соотношении различных групп объектов, относящимся к двум или более временным моментам, рассчитывается возможное соотношение этих групп на следующем временном рубеже⁵⁶. В таблице 5 приведены результаты соответствующих вычислений.

В плане подтверждения бесперспективности в результате столыпинской реформы утверждения в России буржуазно-консервативного варианта аграрного развития результаты имитационного моделирования превосходят всякие ожидания.

Начнем с прогноза о возможном соотношении разных групп дворов в 1912 г. при допущении того, что аграрное развитие в 1900—1912 гг. протекало бы при таких же условиях, которые существовали в конце XIX в. и зафиксированы в данных о соотношении дворов в 1888 и 1900 гг. Прогноз показывает, что в этом случае в 1912 г. повсеместно, во всех регионах и Европейской России в целом доля беднейших дворов была бы заметно меньше, а зажиточных значительно больше, чем было в действительности.

Это значит, что давление на деревню (а суть столыпинской реформы сводилась именно к этому) давало лишь негативные результаты в изменении социальной структуры деревни. Говоря шире, полученные результаты свидетельствуют о том, что именно свободное развитие крестьянского хозяйства, т. е. буржуазно-демократический путь аграрной эволюции, могло привести к наиболее благоприятным экономическим и социальным результатам.

Второй прогноз направлен на выявление того, какой могла бы быть социальная структура деревни в начале 20-х гг. сравнительно с 1912 г., если бы в это время в аграрном развитии сохранились условия 1900—1912 гг., т. е. если бы для реализации столыпинской реформы было больше мирного времени. Прогноз показывает, что и в подобной контрфактической ситуации, идеальной с позиций реформаторов и отстаивающих их устремления некоторых современных ученых, не удалось бы добиться достижения социальных целей, преследуемых реформой, а именно утверждения господства в деревне состоятельного слоя крестьян. Повсеместно расчетная доля зажиточных дворов оказалась значительно меньшей, чем эта доля была в 1912 г. Процесс осереднячивания и обеднения деревни мог еще более усилиться по сравнению с 1900—1912 гг.

В целом рассматриваемый прогноз показывает несостоятельность суждений тех, кто полагает, что столыпинская реформа при иных условиях ее проведения могла бы обеспечить аграрный прогресс и тем самым предотвратить Октябрьскую революцию.

Таковы реальные итоги аграрного развития в период столыпинской реформы и его возможные результаты при иных вариантах этого развития.

* * *

Таким образом, проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до первой мировой войны. А это значит, что ходом исторического развития была снята возможность победы “прусского”, буржуазно-консервативного варианта аграрного капитализма. Оставалась вроде бы лишь возможность победы “американского”, крестьянского типа аграрного капитализма. Однако и здесь ход исторического развития привел к ситуации, когда уже в силу социально-политических причин победа и этого типа становилась невозможной.

Для торжества крестьянского пути буржуазной аграрной эволюции необходимо было устранение крепостнических пережитков, и прежде всего ликвидации помещичьего землевладения. Но ликвидировать в начале XX в. полуфеодалное помещичье землевладение, преимущественно дворянское по своей сословной принадлежности (примерно 70% частновладельческих земель принадлежало дворянам), было невозможно, не покушаясь на буржуазную собственность вообще. Как указывалось, сами помещики были одновременно и полукрепостниками, и буржуазными предпринимателями. Это последнее проявлялось не только в том, что развитие помещичьего хозяйства подчинялось законам капиталистического производства, но и в том, что многие дворяне занимались предпринимательской деятельностью в области промышленности и банковском деле⁵⁷. С другой стороны, значительная часть ссуд, полученных помещиками под залог земли, была выдана акционерными, буржуазными по своей природе, земельными банками. А примерно треть частновладельческих земель принадлежала не дворянам, а купцам, мещанам и крестьянам. Короче говоря, полуфеодалная и буржуазная собственность все более тесно переплетались. Поэтому нельзя было, покушаясь на первую, не затрагивать вторую.

В итоге решение буржуазных по своей сути задач, а именно ликвидации помещичьего землевладения и связанных с ним других феодальных пережитков, становилась невозможным в условиях буржуазного строя. Эти задачи могли быть решены не буржуазной, а социалистической революцией, передающей власть в руки трудящихся, а основные средства производства, включая землю, — в общественную, народную собственность.

Уже в начале XX в. это было очевидно и самим помещикам. Так, в основных положениях по аграрному вопросу, принятых Первым съездом уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: “Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т. д., т. е. к социалистическому строю”⁵⁸. В данном случае представителям дворянства нельзя отказать в исторической проницательности.

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала особенно очевидной в годы первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что Февральская революция 1917 г. не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказалась страна, было невозможно, “не покидая почвы буржуазных отношений”⁵⁹. Так ход исторического развития страны привел к необходимости социалистической революции, которая, проводя национализацию земли, т. е. решая буржуазно-демократическую задачу, вместе с тем открывала путь для движения к социализму.

Тем самым противоречие между настоящей необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка в деревне, и невозможностью решения этой задачи в буржуазных условиях было одной из важнейших исторических предпосылок социалистической революции в России.

Особенности аграрной эволюции обусловили и ряд других черт в историческом развитии страны. Одна из них состояла в том, что невозможность ликвидации помещичьего землевладения без покушения на буржуазную собственность ослабляла, а то и вообще подрывала социально-экономические основы для компромисса с буржуазными слоями общества при проведении послереволюционных преобразований. А без таких компромиссов не обходилась ни одна революция, ибо они облегчали формирование новых экономических, социальных и других систем и структур. В нашей стране эти преобразования в донеповский период приобрели максималистскую антибуржуазную направленность, усиливаемую верой в скорую победу мировой пролетарской революции. Этим была вызвана и та жестокость борьбы, которая имела место в гражданской войне. Сейчас много пишут и говорят об этой жестокости. Но, во-первых, ее нельзя приписывать только одной борющейся стороне. Во-вторых, нельзя сводить причины, порождавшие ее, только к разного рода субъективным факторам. Она имела и свои глубокие корни.

[Социалистическая революция в России была неизбежностью, обусловленной особенностями ее исторического, прежде всего аграрного, развития. Но произошла она в стране, которая, хотя и достигла общего среднего уровня развития капитализма, но оставалась страной аграрной, где не было всех необходимых предпосылок для генезиса социалистической системы хозяйства на естественно-исторической основе, т. е. путем внутренней эволюции общественно-экономических укладов при адекватных взаимосвязях между ними. Этот генезис протекал при господстве предельно централизованных и насильственных методов “первоначального накопления”, которые имели широкое распространение в эпоху генезиса и других общественно-экономических формаций. Основным источником “первоначального накопления” была деревня. Начальная стадия генезиса социализма фактически продолжается у нас и сейчас. Только-только наметился переход на естественноисторический путь этого генезиса в плане социально-экономическом и демократический — в сфере социально-политической.

С учетом сказанного и должен решаться вопрос о том, с каким социализмом мы имеем дело. Думается, правомерно утверждать, что реально завершается лишь начальный этап генезиса социализма. Сам же истинный социализм еще впереди и, видимо, не так близко, как хотелось бы.

Разумеется, указанные особенности в историческом развитии, вытекающие из его характера в эпоху капитализма, требуют специального исторического исследования. В данном случае мы лишь обратили внимание на некоторые из них.

Примечания

¹ Ключевский В. О. Собр. соч. Т. VII. М., 1969. С. 380.

² Из монографических исследований отметим следующие работы: Першин П. Н. Участковое землепользование в России. М., 1922; Батурицкий Д. А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925; Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; Литвинов И. Столыпинщина. Харьков, 1931; Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941; Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978; Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985 и др.

³ См.: Советская Россия. 1990. 28 ноября.

⁴ Источниковедческая характеристика сельскохозяйственной статистики и других материалов о крестьянском и помещичьем хозяйствах дана в работе “Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма” (М., 1979. Гл. 5—9).

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 215—216.

⁶ Там же. С. 216. См. также с. 230, 406.

⁷ См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, С. 182.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 188—190.

¹⁰ Там же. С. 187.

¹¹ Там же. С. 190—191.

¹² Иным в этом отношении было положение в западных районах, где отсутствовало Уравнительное общинное землепользование и поэтому существовал значительный слой безземельных и малоземельных крестьян, не имевших собственного хозяйства или ведущих его в крайне ограниченных размерах. См., напр.: Очерки экономической истории Латвии (1900—1917 гг.). Рига, 1968; Очерки экономической истории Латвии (1860—1900 гг.). Рига, 1972; Ниедре О. Социальная структура крестьянства Прибалтики (в первые десятилетия XX века). Рига, 1986.

¹³ См. подробнее: Ковальченко И. Д. Аренда земли бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х годов XIX в. // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. М., 1976 С. 53 и сл.

¹⁴ Подсчет сделан по: Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. СПб., 1916.

¹⁵ Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С. 38—39.

¹⁶ Проскурикова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1973. № 1. С. 59.

¹⁷ См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974. Гл. 8.

¹⁸ Лишь в работе А. М. Анфимова “Крупное помещичье хозяйство Европейской России. Конец XIX — начало XX века” (М., 1969) ряд из них получил конкретное освещение.

¹⁹ Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 284 (данные за 70-е гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917, С. 8—34 (данные за 1909—1913 гг.). Подсчет автора

²⁰ См. подробнее: Анфимов А. М. Указ. соч. Гл. 2.

²¹ См.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.

²² Следует обратить внимание на важность более широкого и глубокого рассмотрения причин поражения революции 1905—1907 гг. Представляется, что любая буржуазная революция не может победить без поддержки буржуазии. Думается, что отказ российской буржуазии от такой поддержки не сводится, как чаще всего полагают, к одним общественно-политическим мотивам, но имеет свои и более глубокие корни.

²³ Сборник речей. СПб., 1912. С. 45—46.

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина: Сборник материалов. М., 1973. С. 278.

²⁶ Там же. С. 282—283.

²⁷ Там же. С. 287.

- ²⁸ Там же. С. 251.
- ²⁹ Ленин В. И. ПСС, Т. 20. С. 77.
- ³⁰ Цит. по: Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 22.
- ³¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России СПб., 1907 С. 174—175.
- ³² Дубровский С. М. Указ. соч. С. 199.
- ³³ Там же. С. 211.
- ³⁴ Чернышев И. В. Общины после указа 9 ноября 1906 г. Ч. 1. М., 1917 С. 48 и др.
- ³⁵ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 213.
- ³⁶ См. там же. С. 214.
- ³⁷ Указ. соч. Приложение 2 (с. 574—576).
- ³⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 344.
- ³⁹ Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 гг. М., 1922. Приложение. С. 46—47.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 361.
- ⁴² Там же. С. 371.
- ⁴³ Батурицкий Д. А. Указ. соч. С. 127—131.
- ⁴⁴ Подсчет сделан по: Батурицкий Д. А. Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁵ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 348.
- ⁴⁶ Там же. С. 390—391.
- ⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290 (ЦСК), оп. 5, д. 119-120, 130—132 Источниковедческий анализ этих материалов дан в статье автора “Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства...”
- ⁴⁸ См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства С. 185.
- ⁴⁹ Доля посевов помещиков, которая могла быть обработана их рабочим скотом, была определена так. Рассчитывалось количество посевов на голову рабочего скота в целом по губернии На основе этого расчета и с учетом численности рабочего скота помещиков вычислялась площадь посевов, которую помещики могли обработать своим рабочим скотом. Затем эта площадь соотносилась с общей площадью посевов помещиков
- ⁵⁰ Подсчет по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907, табл. II и материалы ЦСК за 1906 и 1913 гг.
- ⁵¹ См.: Огонек. 1989 № 45 С. 12
- ⁵² Лященко П. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства М, 1927. С. 311.
- ⁵³ Там же. С. 312—313.
- То, что вывозились далеко не излишки хлеба, очевидно и из следующего. В России в начале XX в. сравнительно с ее основными конкурентами по экспорту хлебов сборы хлебов в расчете на душу населения были в 2 раза меньше, чем в США, в 2,5 раза меньше, чем в Аргентине и почти в 3 раза меньше, чем в Канаде (Л. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 2 Капитализм М., 1950. С. 280).
- ⁵⁴ См., напр: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. ПСС. Т. 3. С. 122—123.
- ⁵⁵ Роль в исторических исследованиях имитационного моделирования рассматривается в работе И. Д. Ковальченко “Методы исторического исследования” (М., 1987, С. 406 и др.).
- ⁵⁶ Соответствующая обработка материалов на ЭВМ проведена в Московском университете Л. И. Бородкиным, которому автор выражает свою благодарность
- ⁵⁷ См.: Карелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг. М., 1979.
- ⁵⁸ Сидельников С. М. Указ. соч. С. 81
- ⁵⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31 С. 37.

